

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

ББК 63.3(2)53-284.3

Н. А. Пушкарева, Н. А. Мицюк

МОДЕРНИЗАЦИЯ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОБРАЗОВАННЫХ РОССИЯНОК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.

Женщина в российском обществе. 2016. № 3 (80). С. 73 — 89

Раскрываются основные тенденции в развитии репродуктивного поведения русских дворянок во второй половине XIX — начале XX в. В центре исследовательского интереса — представительницы дворянского сословия, так как именно в данной социальной когорте наиболее выражено происходила модернизация репродуктивного поведения. Исследование основано на женских эгодокументах и частных случаях, описанных врачами. Наиболее актуальными явились методы и подходы микроистории, гендерной истории, социальной и культурной антропологии, социально-конструктивистский подход, биографический метод и метод кейс-стади.

Вследствие либерализации российского общества, распада ценностей традиционной патриархальной семьи, разорения поместного дворянства, активизации публичной деятельности женщин, эмансипации формировался новый тип брачности. Революционный процесс автономизации сексуального и прокреативного поведения дворянок выражался в существенном сокращении числа деторождений, повышении брачного возраста и возраста первой беременности, широком распространении средств контрацепции. Новый тип рождаемости сформировался чрезвычайно быстро — на протяжении одного поколения.

Появление средств, ограничивавших деторождение, высвобождало женщин из цепи стихийных, бесконечных беременностей, тем самым создавая условия для освоения ими иных сфер деятельности и поиска новых

© Пушкарева Н. А., Мицюк Н. А., 2016

Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 14-31-01217 (грант 16-01-00 136). Поддержано программой фундаментальных исследований РАН «Историческая память и российская идентичность».

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc., Professor, Head of Women and Gender Studies Department, the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).

Мицюк Наталья Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории медицины и социальных наук, Смоленский государственный медицинский университет, г. Смоленск, Россия, ochlokratia@yandex.ru (Cand. Sc., Associate Professor at the Department of Philosophy, History of Medicine and Social Sciences, Smolensk State Medical University, Smolensk, Russia).

форм гендерной идентичности. Планирование рождения детей становилось важной составляющей жизни российских семей высшего сословия.

Ключевые слова: история материнства, история деторождения, дворянки, аборт, контрацепция, контроль над рождаемостью.

DOI: 10.21064/WinRS.2016.3.7

N. L. Pushkareva, N. A. Mitsyuk. Modernization of reproductive behavior of noblewomen in the second half of XIX — the beginning of the XX c.

Authors reveal the main trends in reproductive behavior of noblewomen in the second half of XIX and the beginning of the XX c. The noblewomen are in the center of the research, because the modernization of reproductive behavior was the most pronounced in this social stratum. The study is based on the women's private documents, case histories and cases described by physicians. Among approaches and methods employed one should mention the following: socio-constructivist, micro history, gender history, social and cultural anthropology, biographical method, case studies.

Modernization of Russian society, the destruction of the patriarchal family, emancipation, availability of new areas for gender identity in the second half of the XIX c. contributed to the creation of a new type of mating behavior of noblewomen. It was the revolutionary process of autonomization of sexual and procreative behavior of noblewomen. Rationalization of reproductive behavior was reflected in significant reduction of births, increasing the age of marriage and the age of first pregnancy, widespread dissemination of contraception. A new type of fertility was formed very quickly — within one generation.

The reduction of births in woman's life in terms of social construction of "conscious motherhood" led to the growth of maternal roles value in female perception and dissemination of child-centrism. Planning of a family became an important component of the Russian noble families. Sexual life of a married woman became more and more independent of her reproductive abilities.

Key words: history of motherhood, history of childbearing, noblewomen, abortion, contraception, birth control.

Регулирование рождаемости — важнейшее понятие, характеризующее репродуктивное (прокреативное) поведение, т. е. систему действий, межличностных отношений и эмоционально-психических состояний, связанных с рождением детей или отказом от них, как в браке, так и вне брака. Противоречивые результаты современной демографической политики, трансформация института семьи и родительства заставляют пристальнее вглядываться в историческое прошлое, выявляя наиболее типичные для России тренды, ища в прошлом истоки современных проблем, намечая пути их решения.

Малое внимание к так называемым господствующим классам, своеобразию их повседневности и ментальностей на протяжении нескольких десятилетий развития советской историографии компенсировано современным интересом к ним. Частью проявления этого интереса выступает изучение повседневной жизни российских дворянок [Пушкарева, 1998; Белова, 2010; Мицюк, 2014b]. Анализ их репродуктивного поведения в эпоху зарождения движения женщин за свои права в России — новый ракурс изучения истории отечественной модернизации и урбанизации. Представляется очень важным обратить внимание

на представительниц дворянского сословия, так как именно в данной социальной когорте наиболее выражено происходила модернизация репродуктивных и, шире, социально-психологических установок. Насколько заметной была ломка традиционного прокреативного поведения на уровне отдельных женщин? Насколько заметным на индивидуальном уровне был демографический переход (от многодетной к малодетной семье, от естественной рождаемости к рождаемости контролируемой, регулируемой контрацептивами)? Какие источники могут считаться достаточно репрезентативными для историка и демографа, изучающих механизмы контроля над рождаемостью? Что известно о методах контрацепции и как к ним относились столетие назад сами женщины?

Методы исследования

Репродуктивное поведение — явление, характеризующее большие (этнос) и малые (семья) социальные группы, — тема демографическая. Демографы его изучают на основании формальных статистических подсчетов брачности и детности в рамках зарегистрированных и свободных сожительств. Однако как именно идет формирование ценностных ориентаций и культурных образцов в каждом конкретном социальном слое, к которому принадлежат индивиды, как формируется социальная нормативная среда, ее установки и запреты, касающиеся рождений, абортов, контрацепции, — вопросы для демографов подчас периферийные.

Историку же интересен механизм процесса и историко-психологические нюансы. Чтобы понять репродуктивные установки и предпочтения (рождение детей или бездетность), необходим сбор и анализ источников особого рода — сохранивших эмоциональный фон эпохи («эмотивов»). Дело это необычайно трудоемкое: даже сейчас в автодокументальных материалах женщины не спешат с обнародованием подробностей такого рода. К необходимым источникам отнесем в первую очередь эгодокументальные памятники (дневники, воспоминания, письма), а также созданные в то время произведения художественной литературы (написанные как мужчинами, так и женщинами). В эту же группу «эмотивов» включим редко или вовсе не привлекавшиеся к изучению в нашей науке историко-медицинские материалы, в том числе зафиксированные врачами выдержки из историй болезней, позволяющие анализировать характер деторождения в жизни женщин и отношение их к данному вопросу; частные случаи из практики, описанные ими же. В решении задачи историку могут помочь и визуальные материалы (рекламные образы и тексты, иллюстрации в столичных и провинциальных изданиях). Интегративное использование источников разных типов, дополненное знаниями основ феноменологии и этнометодологии (А. Шюц, Г. Гарфинкель), социально-конструктивистского подхода (П. Бергер, Т. Лукман), микроистории, повседневноведения, гендерной истории, — методический путь к решению поставленных задач.

Обсуждение

Тема регулирования рождаемости в истории репродуктивного поведения специально не выделялась в отечественной историографии, но включалась в изучение проблем брачности, рождаемости и смертности. Подобная тематика волновала как дореволюционных этнографов [Бензенгер, 1879; Жбанков, 1889,

1891], так и советских демографов. Собственно, именно А. Г. Вишневский первым заявил о формировании на рубеже XIX—XX вв. нового «типа рождаемости» [Вишневский, 1977]. Историки тоже пытались сказать свое слово: Б. Н. Миронов отмечал, что стремится воссоздать социально-психологическую модель демографического поведения русского крестьянина XIX — начала XX в. [Миронов, 1977, 2000], но в чем ее отличие от средневропейской модели и сходство с ней, так и не указал.

С конца 1970-х гг. российские социологи стали чаще касаться исторических аспектов развития института семьи и родительства, но опирались исключительно на статистику [Дарский, 1979; Харчев, 1979; Антонов, 1980; Голод, 1998; Бим-Бад, Гавров, 2010]. Некоторые социальные группы при этом выпадали из поля зрения: скажем, дворянство и купечество просто относились к «горожанам». Смелые публикации этнографов (прежде всего И. С. Кона, затем Н. Л. Пушкаревой) поставили проблему истории русской abortивно-контрацептивной культуры, а приоткрытию завесы тайны над темой однополый любви и осознанной бездетности способствовал перевод книги их американской коллеги Л. Энгельштейн [Энгельштейн, 1996]. В западноевропейских и американских исследованиях по социальной истории и исторической социологии за последние 30 лет в круг изучаемых вопросов попало немало новых тем (контроль над рождаемостью, репродуктивная свобода и права, рационализация сексуальности [Critchlow, 1996; Gordon, 2002; Brodsky, 2008; Engelman, 2011], но российская наука, по сути, их часто отказывалась даже упоминать.

Представленное исследование нацелено на изучение трансформации репродуктивного поведения дворянок второй половины XIX — начала XX в., вызванной модернизацией российского общества, а также разрушением патриархальной семьи, эмансипацией. Изучение данного явления дополнит историю российских женщин высшего сословия, позволит увязать важнейшие социально-политические, экономические процессы в стране с их частной жизнью, миром их повседневности, чувственными и эмоциональными переживаниями.

Результаты исследования

Формирование нового типа брачности. Репродуктивные установки во всех странах и культурах очень инертны. Важнейшей тенденцией брачного, репродуктивного и сексуального поведения дворянок в условиях пореформенной России — как и столетие до того — было дальнейшее повышение возраста первого деторождения. Если в Средние века митрополит Фотий позволял венчать «девочок» не младше 14 лет, то в XVIII в. закон разрешал девицам выходить замуж с 16 лет [Пушкарева, 1998]. Иными словами, в России — как и везде — поначалу существовала традиция ранних браков. Но в Западной Европе с XV в. стал распространяться европейский тип брачности (для которого характерно позднее вступление в брак, высокая доля лиц, никогда не женившихся и не вышедших замуж, малодетность и бездетность). К началу XX в. во многих европейских странах до 70 % женщин в возрасте 20—24 лет еще не были замужем, а среди 30-летних доля незамужних могла достигать почти половины женского населения этого возраста [Најнал, 1965: 67]. Иное дело — Россия. Ранние браки среди крестьянок вплоть до середины XIX столетия были нормой,

дворянки же (если судить по метрическим книгам) перестали спешить пользоваться этим правом и возможностью. Высокая материнская смертность при родах и высокая детская смертность по-прежнему заставляли считать материнство и естественным, и страшно рискованным предприятием, а выйти замуж и вскоре не забеременеть было, по всей видимости, даже для образованной женщины не так-то просто. Вот почему, по данным 1880-х гг., аристократки старались не остаться без мужей лишь в возрасте от 21 года до 30 лет [Михневич, 1886: 36]. Статистические отчеты подтверждают, что в пореформенной России наблюдалась устойчивая тенденция к повышению брачного возраста [Статистический временник... , 1887: 8]. Не только «новые женщины» эпохи — феминистки и нигилистки — не спешили обзаводиться семьей, но и обычные провинциальные дворянки. Изменения жизненных предпочтений молодежи, связанные с отходом от матримониальных ценностей, были частью конфликта «отцов и детей», хотя в данном случае уместна формулировка «родителей и дочерей». Провинциальная помещица М. А. Данилова в своих воспоминаниях цитировала старших родственников, которые с непониманием относились к ее отрицанию раннего замужества: «Маше уже 23, и она еще не замужем» [РГАЛИ, ф. 1337, оп. 1, д. 66, л. 74]. Всего полвека ранее такая девушка могла прослыть «засидевшейся».

Мужской и женский исследовательский взгляд на причину повышения брачного возраста в аристократической и интеллигентской среде разнятся. Так, Б. Н. Миронов полагает, что было некое «рациональное решение правительства», возникшее под влиянием представителей образованных кругов общества, а также под влиянием врачебного и педагогического дискурсов, в которых культивировался образ «сознательной матери», заводящей детей в возрасте, далеком от подросткового [Миронов, 2000: 168] (см. также: [Мицюк, 2015]). Мы же предлагаем задуматься над трансформацией женских социальных статусов и ролей в эпоху зарождения движения эмансипации, стремления женщин к образованию и самостоятельному труду, в период появления новых сфер для женской самореализации. Если в XVIII в. женщины и девушки ни о чем, кроме замужества и материнства, и не мечтать не могли, то для женщины пореформенной России открылись иные горизонты социальной деятельности. На страницах девичьих дневников, писем все чаще стали попадаться описания намерений пойти учиться, а вовсе не мечты о свадебном платье [ОР РГБ, ф. 375, картон 2, д. 1, л. 4; ф. 497, картон 1, д. 16, л. 4].

Так, о новых предпочтениях молодежи размышляла в своих воспоминаниях престарелая няня, воспитавшая не одно поколение девиц из высших сословий. Оценив барышень «прежних» времен («сегодня в куклы играет, а завтра под венец идет», «кончат пансион и замуж скорей»), в отношении девушек начала XX в. она заметила, что те «детей-то родить успеют, теперь впору курсы слушать» [Холопы, 1914: 169].

Следует рассматривать и другую сторону жизни дворянок второй половины XIX в. В условиях разорения помещичьих семей с их патриархальным укладом уходил в прошлое традиционный гендерный контракт с мужем-кормильцем, обеспечивающим необходимое количество помощниц в деле воспитания детей. Небогатые дворянки задумывались над тем, как найти дополнительный заработок, и выяснялось это не их феминистскими устремлениями, а финансовой

необеспеченностью. Смена приоритетов вела к отсроченному материнству, нижняя граница возраста первых родов — как то было и в Западной Европе [Coale, 1969] — повышалась. Анализ семейного положения учительниц провинциальных женских гимназий показал, что основной контингент учащихся женского пола составляли незамужние и бездетные женщины 25—30 лет, материально необеспеченные, не имевшие богатых родственников. Таковые (и дворянок среди них было немало) вынуждены были самостоятельно содержать себя, направляя все свои усилия на профессиональное совершенствование, а не на поиски подходящей партии.

Причины рационализации женской сексуальности. Контроль над рождаемостью. Что могло стать причиной очевидной и замеченной многими врачами XIX столетия рационализации женской сексуальности в пореформенной России и, как следствие, *сокращения числа беременностей и родов* в жизни дворянок? Похоже, немало образованных женщин руководствовались «желанием знать», но на их пути стояли старозаветные табу. Столетие рождения женского движения в России вовсе не было веком женского сексуального «освобождения». Крестьянки знали о контрацепции подчас больше, чем дворянки [Мухина, 2012; Мицюк, 2014а]. И все же, согласно статистическим данным конца XIX в., в дворянских семьях наблюдалось сокращение рождаемости в 2, а то и в 3 раза по сравнению с серединой XIX в. [Миронов, 2000: 186]. Столичный врач В. Н. Бензенгер указывал на то, что в среднем на одну дворянку приходилось четыре деторождения [Бензенгер, 1879: 14]. По данным врача Д. Н. Жбанкова, средняя плодовитость женщин из семей сельского духовенства составляла 9,8 детей [Жбанков, 1889]. Можно предполагать, что естественная плодовитость дворянок, находившихся в более выгодных социально-экономических условиях, имевших возможность окружить своих детей кормилицами и няньками, могла бы быть выше. Однако количество детей в дворянских семьях в среднем по России уменьшилось на 30 %, что значительно опережало сокращение деторождений в других сословиях [Миронов, 2000: 180]. Тенденция сокращения числа деторождений отразилась и на профессиональном акушерском языке. Если прежде к «многорожавшим» относили женщин, родивших более шести раз, то к началу XX в. к таковым стали относить матерей с тремя и более детьми [Онуфриев, 1905: 45; Феноменов, 1902: 78]. Возрастающие перерывы в деторождении при нормальном репродуктивном здоровье, о чем говорят истории болезней, имплицитно свидетельствуют о вхождении в супружескую жизнь средств, ограничивающих зачатие.

Модернизация российского общества, распространение идей либерализма, гуманизма, развитие женского просвещения приводили к индивидуализации сознания. Частные интересы все чаще ставились выше групповых, в том числе и семейных. Сокращение числа деторождений в семьях отмечали дореволюционные ученые и писатели. В. Михневич в отношении состоятельных интеллигентных супружеских пар столицы писал, что те «боятся детей», смотря на «плодовитость супругов» как на «обузу» [Михневич, 1886: 396]. Врач П. Чухнин указывал: «Замечается как бы стремление не к полному освобождению себя от детей, а к ограничению их числа» [Двенадцатый Пироговский съезд, 1913: 92]. В то время как на Западе складывание нового типа брачности и соответственно

снижение рождаемости имели эволюционный межпоколенный характер, в России новый тип рождаемости в дворянской среде оформился буквально на протяжении одного поколения. Очевидно, что данный процесс был закономерным при переходе от традиционного (доиндустриального) к индустриальному обществу. Разрушение старого, патриархального мира оказало ключевое влияние на трансформацию межличностных, в том числе семейных, отношений. Процесс разорения поместного дворянства, с особой силой проявившийся с 1880-х гг., разложение патриархальной дворянской семьи, участившиеся случаи развода или по крайней мере раздельного проживания супругов, женская эмансипация — все это вело к тому, что дворянки стали считать нормой рождение двух-трех детей.

Сторонники женской эмансипации смотрели на материнство не как на естественную биологическую функцию женщины, а как на ее право «самостоятельно решать вопрос, желает ли она иметь ребенка или нет» [там же: 212]. Не потому ли практически все участницы освободительного движения в России (от В. И. Засулич и В. Н. Фигнер до Н. К. Крупской и М. А. Спиридоновой, а они из дворян) были бездетны? Рост общественной и профессиональной активности дворянок не мог не сказаться на сокращении в их жизни числа деторождений. «Теперь редкая женщина только жена, мать и хозяйка, она часто при этом учительница, акушерка, фельдшерка, врач, швея, кассирша и др.», — отмечал в 1913 г. на съезде врачей П. Чухнин [там же: 91]. Для просвещенной части дворянства идеологическим обоснованием целесообразности сокращения деторождений стала популярная в Европе идея «социального неомальтузианства» [Яковлева, 1909], согласно которой контроль над рождаемостью является важным условием благосостояния общества. Таким образом, прагматичная реальность в конечном счете оказала существенное влияние на женскую фертильность и собственно репродуктивное поведение.

Изменения в репродуктивном поведении женщин могли принимать совершенно радикальные формы. Анализ женских нарративов конца XIX — начала XX в. показал, что среди дворянок появлялись те, кто исключал деторождение из собственных жизненных стратегий. Отказ от материнства впервые стало практиковать молодое поколение 1860-х («шестидесятницы»). Для многих представительниц либерального феминизма начала XX в. материнские роли также занимали второстепенное место. Эпоха модерна культивировала новый тип городской женщины, предполагавший отказ от традиционных женских радостей: детей, семьи, семейно-домашней повседневности (см.: [Пушкарева, 2008]). На страницах женских дневников фиксировались новые предпочтения дворянок [Стасова, 1969: 16; Миротворская, 2010: 182; Успенская, 1922: 33; Дьяконова, 1912: 322; РГАЛИ, ф. 142, оп. 1, д. 383, л. 27; ОР РГБ, ф. 375, картон 2, д. 1, л. 4]. Скажем, активная участница женского движения либерального толка Н. В. Стасова признавалась: «Для меня исчезло очарование семьи своей собственной, я почувствовала любовь ко всемирной семье; это стало моим идеалом, я с ним и умру!» [Стасов, 1899: 387].

Ломка традиционной установки на брак и материнство особенно быстро проходила в крупных городах: там у женщин было больше возможностей для внесемейной самореализации. Врач В. Михневич отмечал «антисемейный» характер Петербурга 1880-х гг., в котором все большее число молодых людей

предпочитали браку и семье свободный образ жизни. Этот город Михневич находил раем для юных «эмансипе»: «Для женщин, обреченных на одиночество и эмансипированных от брачных уз, Петербург может считаться самым удобным и самым заманчивым из всех русских городов» [Михневич, 1886: 396]. Неприемлемое поведение демонстрировала Л. Д. Менделеева-Блок, отрицавшая материнство. Она была убеждена, что с рождением ребенка женщина больше не принадлежит себе, а значит, перестает быть личностью [Блок, 1979].

На протяжении второй половины XIX в., согласно статистическим материалам, многочисленным автодокументальным источникам, наблюдалась устойчивая тенденция сокращения числа детей в дворянских семьях в условиях длительного репродуктивного периода супругов. В супружеских отношениях обеспеченных и образованных социальных слоев уже не один век присутствовали определенные формы ограничения деторождения, однако среди них уже не только контрацепция, но и аборт стал куда более практикуемым и известным. Ослабление норм патриархального общества, новая половая мораль городской молодежи, распространение добрачных связей горожанок (а среди них все больше было и обедневших дворянок) являлись причинами «нежелательных беременностей». Новшеством в репродуктивном поведении дворянок стали именно абортивные практики.

«Плодоизгнания» в интеллигентных классах. В то время как о «плодоизгнании» в низших слоях общества написано немало работ (см., напр.: [Фукс, 1910: 40]), об абортах среди представительниц привилегированного сословия ни дореволюционные, ни современные исследователи речи не вели: считалось, что эти практики не имели распространения в дворянском сословии. Действительно, тема аборта в России — это очень табуированная область в истории женского репродуктивного поведения, ведь он считался делом аморальным, незаконным и практиковался, как правило, анонимно. Однако врачи отмечали случаи «преступных выкидышей» в привилегированных слоях общества [Холмогоров, 1900, 1911]. Врач-гинеколог Я. Е. Выгодский в своем докладе на XII Пироговском съезде среди перечисленных причин увеличения абортаций называл и «крайнюю изнеженность и избалованность многих женщин, принадлежащих по преимуществу к самым богатым и культурным классам населения» [Двенадцатый Пироговский съезд, 1913: 375]. Тем самым он подтверждал существование «плодоизгнаний» в интеллигентных классах. Профессор М. Н. Гернет, выступая в 1914 г. на съезде криминалистов, открыто констатировал: «Женщины богатого класса имеют возможность высоким гонораром оплачивать риск уголовного преследования и с трудом, но находят врачей, производящих нужную операцию в соответствующих условиях» (цит. по: [Трайнин, 1914: 257]). О повсеместном распространении абортаций, в том числе среди аристократок, говорил С. Елпатьевский: «В круг его вовлечены богатые и бедные, города и деревни, производят себе выкидыши не только девушки, но и мужние жены — и даже трудно сказать, кто чаще производит выкидыши» [Елпатьевский, 1914: 265]. Существовавшее положение дел возмущало Л. Н. Толстого, который еще в 1880-х гг. писал: «...с помощью науки на моей памяти сделалось то, что среди богатых классов явились десятки способов уничтожения плода... Зло уже далеко распространилось, и оно охватит всех женщин богатых классов, и тогда они сравняются с мужчинами

и вместе с ними потеряют разумный смысл жизни» [Толстой, 1983: 391—392]. Насколько данное явление было распространено, говорить не приходится за отсутствием соответствующей статистики.

В эгодокументах указания на произведенные аборты встречаются крайне редко ввиду аморальности и противоправности их в дореволюционной России. В интимной переписке с В. Брюсовым Н. Петровская упоминала о том, что знакомые ей дамы регулярно посещают «фабрику ангелов» [Брюсов, Петровская, 2004: 528]. С собственной беременностью она поступила так же. Она писала, что ее страшит («все холодеет внутри от ужаса») сама процедура плодоизгнания — «операция без хлороформа». Но в то же время Нина решилась на аборт («Но если иначе нельзя и ты не хочешь, я сделаю так») [там же: 524]. Узнав о своей беременности, Л. Д. Менделеева-Блок признавалась в желании избавиться от плода («твердо решила устранить беременность» (см.: [там же: 64]). В редких дневниках и письмах, принадлежащих дворянкам, содержится информация о желании «вытравить» ребенка (см.: [Бекетова, 1990]). Провинциальная дворянка А. Знаменская указывала на то, что она «глотала разную дрянь» [РГАЛИ, ф. 142, оп. 1, д. 400, л. 20 об], чтобы вызвать регулы. Это весьма любопытное и крайне редкое свидетельство, так как оно говорит в пользу существования абортивных практик на самых ранних сроках беременности.

Представительницы высших слоев общества обладали достаточными ресурсами, чтобы сделать вполне квалифицированный аборт, который при должном участии врачей приобретал форму «оперативной помощи при преждевременных родах и выкидышах» [Гофмейер, 1893; Губарев, 1915; Феноменов, 1902]. В автобиографической литературе можно найти намеки на осуществление подобных процедур, в то время как в художественной литературе встречаются подробно описанные сюжеты на эту тему [Гумилевский, 1991: 166].

Контрацептивные практики. Новым важным способом ограничения числа деторождений в супружеской жизни стали средства контрацепции. В начале XX в. в медицинской и публицистической литературе все чаще встречались указания на распространение в обществе противозачаточных средств и техник [Дрекслер, 1910]. На страницах популярной медицинской работы автор в отношении деторождения писал: «Дети, составлявшие основную цель брака у наших предков, стали теперь нежеланными гостями, и люди ухищряются всевозможными способами предупредить зачатие» [Фишер-Дюккельман, 1903: 185]. Проникновение в повседневную жизнь женщин контрацептивов вызывало устойчивую критику как на Западе, так и в России [Ломброзо, 2012: 91; Толстой, 1983].

Однако в России атмосфера была несколько либеральнее. В конце XIX в. была издана уникальная книга медико-просветительского характера — «Как предупредить беременность у больных и слабых женщин» петербургского врача К. И. Дрекслера [Дрекслер, 1910]. Важным доказательством того, что специальные средства предупреждения беременности входили в жизнь людей, являлись многочисленные свидетельства частнопрактикующих врачей. Контрацепция была не столько модной тенденцией высшего сословия, сколько объективным следствием процессов, происходивших в российском обществе. Врач Е. С. Дрентельн основную причину распространения специальных средств контра-

цепции видела в «столкновении болезненного сильного полового инстинкта с чрезвычайно обостренными условиями экономической жизни» [Дрентельн, 1908: 154].

Вхождение средств контрацепции в повседневную жизнь замужних дворянок было явлением противоречивым. В условиях критики контрацепции и представителями церкви, и врачебным сообществом, а также низкого уровня сексуального просвещения населения различные способы предохранения воспринимались аристократками как нечто аморальное и омерзительное. Решаясь на ограничение деторождений, они стремились перед самими собой, перед знакомыми найти достойное оправдание. Исключительное «право не рожать», которое не встретило бы общественных пересудов и самобичевания, могли дать врачи. Врачебные заключения стали единственным моральным объяснением для самих дворянок возможности выйти за пределы бесконечной цепи беременностей, родов и материнства. Княжна И. Юсупова, племянница императора, отмечала, что врачи ей рекомендовали «не иметь детей», пока организм «не окрепнет» [РГАДА, л. 28]. А. А. Знаменская, родив пятого ребенка, сообщала: «Акушер не велел родить больше. Истощены силы» [там же, л. 31].

Ограничить число деторождений российская дворянка могла по-разному, использовалось все то, что было хорошо знакомо женщинам на селе — от «супружеского воздержания» до «недоконченного совокупления» [Жук, 1902, 1906; Пликус, 1902; Якобсон, 1905], но в распоряжении горожанок начала XX в. были и специальные средства контрацепции. В автодокументалистике есть упоминания о том, что дворянки употребляли в качестве контрацептивов настойки, отвары и получившую распространение в XIX в. «сулему» [РГАЛИ, ф. 142, оп. 1, д. 383, л. 35]. Однако зачастую это не давало полной гарантии, к тому же вызывало заболевания желудка и нервной системы. В отличие от крестьянских женщин, широко применявших механические способы профилактики и прерывания нежеланной беременности (прыгание с высоких объектов, подъем тяжестей, тугое бинтование и др.), дворянки ничем подобным не занимались. Первые упоминания в женских дневниках об использовании «специальных средств» относятся к 1870-м гг.: «...говорил о каких-то тампонах, губках, да больно все это пакостно...» [там же, л. 31 об]. Одна из авторов дневников, Е. Н. Половцова, рассказала о регулярном использовании «порошковдувателей» и спринцевании [ОР РГБ, ф. 601, оп. 1, д. 55, л. 2—8].

К началу XX в. специальные средства контрацепции, предназначенные как для мужчин, так и для женщин, получили повсеместное распространение в высших слоях российского общества. В 1893 г. врач А. Г. Боряковский писал: «Средства, препятствующие зачатию, приобретают все большее распространение. В газетах печатаются о них рекламы; в аптеках, аптечных складах, инструментальных и резиновых магазинах они всегда в обилии и на самом видном месте» [Боряковский, 1893]. Врачи отмечали, что это явление было массовым, неконтролируемым. По их свидетельствам, женщины мало разбирались в соответствующих товарах. Точнее всего противоречивую ситуацию относительно средств контрацепции описал врач К. Дрекслер: «Многие желающие по той или иной причине применять предохранительные от забеременения средства и стесняющиеся из ложного стыда обратиться за советом к врачу находятся в полном недоумении, какой презерватив им выбрать, и в результате выписывают наудачу

какое-либо средство, оказывающееся на практике неудачным» [Дрекслер, 1910: VII]. Ежегодно на страницах европейских каталогов, продававшихся в России, публиковались объявления о соответствующих фармацевтических новинках. В отличие от Европы, где открытая реклама контрацептивов была запрещена, в России подобные объявления можно было встретить как в столичных мужских и женских журналах, так и в провинциальных газетах [Реклама, 1908; Реклама, 1914].

Большое количество женских средств контрацепции, рекламировавшихся в российских журналах, заставляет сделать вывод о том, что в отечественной репродуктивной культуре проблема контрацепции считалась скорее женским, нежели мужским делом и с вопросами о ней к врачам обращались именно женщины как страдающая сторона. Сами мужчины нередко относили предохранение исключительно к женским практикам, полностью снимая с себя ответственность за нежеланные беременности. Одна провинциальная дворянка в смятении писала, что муж ее винит во все новых беременностях, упрекая в том, что она «не умеет устроиться, чтобы не беременеть» [РГАЛИ, ф. 142, оп. 1, д. 409, л. 20 об]. Несмотря на доминирование критики в отношении специальных средств контрацепции, именно женщины индустриальной России начали активно прибегать к ней. Распространение данной практики позволило дамам высшего сословия воспользоваться репродуктивной свободой, без которой неосуществимы многие перемены в женском социальном самосознании и женская внесемейная самореализация, ограничены возможности женского социального освобождения и эмансипации.

Проблема использования контрацептивов стала особенно актуальной в 1910-х гг. Медицинское сообщество предлагало сделать средства предохранения от беременности доступными уже не только для обеспеченных горожанок, но и для трудового народа, видя в них панацею от инфантицида и распространения сифилиса [Двенадцатый Пироговский съезд, 1913: 88]. Для большинства либерально настроенных врачей средства ограничения рождаемости являлись «предохранительным клапаном» от «преступных выкидышей», детоубийств и оставления детей [Рейдлик, 1916: 15—17].

Выводы

В условиях пореформенной России наблюдался интенсивный процесс трансформации репродуктивного поведения в сторону его рационализации среди представителей высших слоев общества. Отношение к контрацепции — один из наиболее важных индикаторов, свидетельствующих о степени завершенности демографического перехода (от традиционного общества к современному). Вследствие либерализации страны, распада ценностей традиционной патриархальной семьи, разорения поместного дворянства, активизации публичной деятельности женщин, эмансипационного движения формировался новый тип брачности в образованных слоях общества. С высоты сегодняшнего дня очевидно, что за полстолетия в стране произошла невидимая демографическая революция, автономизировавшая сексуальное и прокреативное поведение дворянок. Рационализация их жизненных установок выразилась в существенном сокращении числа деторождений, повышении брачного возраста и возраста первой беременности, но в первую очередь, конечно, в широком распространении средств контрацепции. Новый тип рождаемости в России, схожий с европейским, сфор-

мировался чрезвычайно быстро — на протяжении одного поколения. Сокращение числа деторождений в женской жизни в условиях настойчивой пропаганды «сознательного материнства» вело к усилению внимания к рожденным детям, росту материнской ответственности, а в родительском воспитании — к распространению детоцентристской воспитательной концепции, предполагающей концентрацию интересов семьи главным образом на детях [Бим-Бад, Гавров, 2010].

Появление вначале за рубежом, а затем и в России средств, ограничивавших деторождение, подарило образованным горожанкам свободное время для досуга и профессиональных исканий, независимость от физиологических потребностей мужей и, следовательно, нескончаемой цепи стихийных беременностей. Планирование семьи превратилось в неотъемлемую составляющую жизни образованных слоев российских горожан, в первую очередь, конечно, дворян. Эти процессы можно смело назвать революционными, поскольку они оказали существенное влияние на формирование новых гендерных ценностей и отношений в обществе.

Библиографический список

- Антонов А. И.* Социология рождаемости. М.: Статистика, 1980. 271 с.
- Бекетова М. А.* Из дневника // Воспоминания об Александре Блоке / сост. Е. П. Енишерлова, С. С. Лесневский. М.: Правда, 1990. С. 348—570.
- Белова А. В.* «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII — середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. 480 с.
- Бензенгер В. Н.* К антропологии женского населения Москвы. М.: Тип. М. Н. Лаврова, 1879. 21 с.
- Бим-Бад Б. М., Гавров С. Н.* Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. М.: Новый хронограф, 2010. 352 с.
- Блок Л. Д.* И был, и небылицы о Блоке и о себе. Бремен: Кафка-Пресс, 1979. 103 с.
- Боряковский А. Г.* О вреде средств, препятствующих зачатию // Врач. 1893. № 32. С. 886—887.
- Брюсов В., Петровская Н.* Переписка, 1904—1913 / сост. Н. А. Богомолова, А. В. Лаврова. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 776 с.
- Вишневский А. Г.* Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / под ред. А. Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977. С. 105—135.
- ГАСО (Государственный архив Смоленской области). Ф. 108. Оп. 1. Д. 17.
- Голод С. И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 272 с.
- Гофмейер М.* Очерки основ гинекологических операций. СПб.: Изд. К. Риккера, 1893. 381 с.
- Губарев А. П.* Оперативная гинекология и основы абдоминальной хирургии. М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсона, 1915. Ч. 1. 641 с.
- Гумилевский Л.* Чужие крыши. М.: Сов. Россия, 1991. 237 с.
- Дарский Л. Е.* Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи. М.: Наука, 1979. С. 85—125.
- Двенадцатый Пироговский съезд, 29 мая — 5 июня 1913 г. СПб.: [б. и.], 1913. Вып. 2. 423 с.

- Дрекслер К.* Как предупредить беременность у больных и слабых женщин. СПб.: Свет, 1910. 128 с.
- Дрентельн Е. С.* Этюды о природе женщины и мужчины. М.: Книгоизд-во Брейтигама, 1908. 285 с.
- Дьяконова Е. И.* Дневник. М.: Изд. В. М. Саблина, 1912. 359 с.
- Елпатьевский С.* Самоистребление человечества: по поводу съезда криминалистов в Петербурге // Русское богатство. 1914. № 4. С. 265.
- Жбанков Д. Н.* К вопросу о плодовитости замужних женщин // Врач. 1889. № 13. С. 309.
- Жбанков Д. Н.* Бабыя сторона: статистико-этнографический очерк. Кострома: Губ. тип., 1891. 97 с.
- Жук В. Н.* Недоконченное совокупление // Акушерка. 1902. № 12. С. 316.
- Жук В. Н.* Мать и дитя: гигиена в общедоступном изложении. СПб.: Изд-во В. И. Губинского, 1906. 1116 с.
- Ломброзо Ч.* Женщина — преступница или проститутка. М.: Попурри, 2012. 320 с.
- Миронов Б. Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / под ред. А. Г. Вишневого. М.: Статистика, 1977. С. 83—105.
- Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 565 с.
- Миротворская Н. А.* Две тетради. М.: Галерея СТО, 2010. 296 с.
- Михневич В.* Язвы Петербурга: исторические этюды русской жизни. СПб.: Тип. Сушинского, 1886. 542 с.
- Мицюк Н. А.* Средства контрацепции в повседневной жизни дворянок на рубеже XIX—XX веков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014а. № 2. С. 49—68.
- Мицюк Н. А.* Типы российских дворянок начала XX в. по отношению к собственной фертильности и материнству // Женщина в российском обществе. 2014b. № 2. С. 17—29.
- Мицюк Н. А.* Конструируя «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX века // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 1. С. 21—33.
- Мухина З. З.* Плодоизгнание и контрацепция в традиционной крестьянской культуре Европейской России (вторая половина XIX — 30-е годы XX в.) // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 147—160.
- Онуфриев В. М.* Акушерские случаи. Екатеринбург: Электротиполитография С. М. Меклера, 1905. 86 с.
- ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки).
- Пликус.* Половая жизнь // Акушерка. 1902. Кн. 8, № 15—16. С. 234—235.
- Пушкарёва Н. Л.* Интимная жизнь русских женщин в XVIII в. // Этнографическое обозрение. 1998. № 1. С. 93—103.
- Пушкарёва Н. Л.* Сексуальность в частной жизни русской женщины (X—XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 3—17.
- РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1290. Оп. 2. Д. 2610.
- РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства).
- Рейдлик А. А.* Война и охрана материнства и младенчества: речь на съезде Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества, 6 ноября 1916 г. Пг.: Тип. «Орбита», 1916. 30 с.
- Реклама // Смоленский вестник. 1908. № 121. С. 1.
- Реклама // Синий журнал. 1914. № 6. С. 17.
- Стасов В. В.* Надежда Васильевна Стасова. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1899. 507 с.
- Стасова Е. Д.* Воспоминания. М.: Мысль, 1969. 285 с.

- Статистический временник Российской империи. Серия 3. СПб., 1887. Вып. 21: Движение населения Европейской России за 1882 год. 534 с.
- Толстой Л. Н. Так что же нам делать? // Собрание сочинений: в 22 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 16. С. 391—392.
- Трайнин В. На съезде криминалистов: факты и впечатления // Русское богатство. 1914. № 4. С. 257.
- Успенская А. Воспоминания шестидесятницы // Былое. 1922. № 18. С. 33.
- Феноменов Н. Н. Оперативное акушерство. СПб.: Изд. братьев Башмаковых, 1902. 491 с.
- Фишер-Дюкельман А. Женщина как домашний врач. М.: Изд-во Аскарханова, 1903. 556 с.
- Фукс И. Б. Проблема преступности плодоизгнания. Харьков: Типолитография М. Сергеева и К. Гальченка, 1910. 21 с.
- Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979. 367 с.
- Холмогоров С. С. Привычный выкидыш и привычные преждевременные роды // Журнал акушерства и женских болезней. 1900. № 10. С. 1212—1218.
- Холмогоров С. С. Искусственные преждевременные роды // Журнал акушерства и женских болезней. 1911. № 7—8. С. 989—999.
- Холопы: (рассказ няни З. Корецкой) // Родина. 1914. № 11. С. 169.
- Энгельштейн Л. Ключи счастья: секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX—XX веков. М.: Терра, 1996. 572 с.
- Якобсон Л. Половое воздержание перед судом медицины // Русский врач. 1905. № 18. С. 588—594.
- Яковлева С. Деторождение и женское движение // Женский вестник. 1909. № 10. С. 191—194.
- Brodsky Ph. *The Control of Childbirth: Women Versus Medicine Through the Ages*. London: McFarland & Co, 2008. 211 p.
- Coale A. J. *The decline of fertility in Europe from the French Revolution to the World War II // Fertility and Family Planning. A World View / ed. by S. J. Behrman, L. Corsa, J. R. Freedman. Ann Arbor: Michigan University Press, 1969. P. 3—24.*
- Critchlow D. *The Politics of Abortion and Birth Control in Historical Perspective*. Philadelphia (PA): University of Pennsylvania Press, 1996. 182 p.
- Engelman P. *A History of the Birth Control Movement in America*. [S. l.]: Praeger, 2011. 231 p.
- Gordon L. *The Moral Property of Women: a History of Birth Control Politics in America*. Chicago: University of Illinois Press, 2002. 464 p.
- Hajnal J. *European marriage patterns in perspective // Population in History / ed. by D. V. Glass, D. E. S. Eversley. London; Chicago: Aldine, 1965. P. 101—143.*

References

- Antonov, A. I. (1980) *Sotsiologiya rozhdaemosti* [Sociology of fertility], Moscow: Statistika.
- Beketova, M. A. (1990) *Iz dnevnika* [From the diary], in: *Vospominaniia ob Aleksandre Bloke*, Moscow: Pravda, pp. 348—570.
- Belova, A. V. (2010) “*Chetyre vozrasta zhenshchiny*”: *Povsednevnaia zhizn’ russkoï provincial’noï dvorianki XVIII — serediny XIX v.* [“Four ages of a woman”: Everyday life of Russian provincial noblewoman XVIII — middle XIX c.], St. Petersburg: Aleteïa.
- Benzenger, V. N. (1879) *K antropologii zhenskogo naseleniia Moskvу* [Anthropology of the female population of Moscow], Moscow: Tipografiia M. N. Lavrova.
- Bim-Bad, B.M., Gavrov, S. N. (2010) *Modernizatsiia instituta sem’i: makrosotsiologicheskii, ekonomicheskii i antropologo-pedagogicheskii analiz* [Modernization of the family in-

- stitution: macro-sociological, economic and anthropological-pedagogical analysis], Moscow: Novyi khronograf.
- Blok, L. D. (1979) *I byl', i nebylitsy o Bloke i o sebe* [And true story, and stories about Blok and about herself], Bremen: Kafka-Press.
- Boriakovskii, A. G. (1893) O vrede sredstv, prepiatstvuiushchikh zachatiu [About the dangers of means that prevent conception], *Vrach*, no. 32, pp. 886—887.
- Briusov, V., Petrovskaia, N. (2004) *Perepiska, 1904—1913* [Correspondence, 1904—1913], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Brodsky, Ph. (2008) *The Control of Childbirth: Women Versus Medicine Through the Ages*, London: McFarland & Co.
- Coale, A. J. (1969) The decline of fertility in Europe from the French Revolution to the World War II, in: Behrman, S. J., Corsa, L., Freedman, J. R. (eds), *Fertility and Family Planning. A World View*, Ann Arbor: Michigan University Press, pp. 3—24.
- Critchlow, D. (1996) *The Politics of Abortion and Birth Control in Historical Perspective*, Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.
- Darskiĭ, L. E. (1979) Rozhdaemost' i reproduktivnaia funktsiia sem'i [Fertility and reproductive function of the family], in: *Demograficheskoe razvitie sem'i*, Moscow: Nauka, pp. 85—125.
- D'iakonova, E. I. (1912) *Dnevnik* [The Diary], Moscow: Izdanie V. M. Sablina.
- Dreksler, K. (1910) *Kak predupredit' beremennost' u bol'nykh i slabykh zhenshchin* [How to prevent pregnancy of ill and weak women], St. Petersburg: Svet.
- Drentel'n, E. S. (1908) *Étiudy o prirode zhenshchiny i muzhchiny* [Studies on the nature of woman and man], Moscow: Knigoizdatel'stvo Breĭtigama.
- Elpat'evskii, S. (1914) Samoistreblenie chelovechestva: Po povodu s'ezda kriminalistov v Peterburge [The self-destruction of humanity: About the forensics Convention in St. Petersburg], *Russkoe bogatstvo*, no 4, p. 265.
- Engelman, P. (2011) *A History of the Birth Control Movement in America*, s. l.: Praeger.
- Éngel'shteĭn, L. (1996) *Kliuchi schast'ia: Seks i poiski puteĭ obnovleniia Rossii na rubezhe XIX—XX vekov* [The keys to happiness: Sex and the search for modernity Russia on the end of XIX — beginning XX centuries], Moscow: Terra.
- Fenomenov, N. N. (1902) *Operativnoe akusherstvo* [Operative obstetrics], St. Petersburg: Izdanie brat'ev Bashmakovykh.
- Fisher-Diukkel'man, A. (1903) *Zhenshchina kak domashnii vrach* [Woman as home doctor], Moscow: Izdatel'stvo Askarkhanova.
- Fuks, I. B. (1910) *Problema prestupnosti plodoizgnaniia* [The problem criminal abortion], Har'kov, Tipolitografiia M. Sergeeva i K. Gal'chenka.
- Gofmeĭer, M. (1893) *Ocherki osnov ginekologicheskikh operatsii* [Essays on foundations of gynecological operations], St. Petersburg: Izdanie K. Rikera.
- Golod, S. I. (1998) *Sem'ia i brak: istoriko-sotsiologicheskii analiz* [Family and marriage: historical and sociological analysis], St. Petersburg: Petropolis.
- Gordon, L. (2002) *The Moral Property of Women: A History of Birth Control Politics in America*, Chicago: University of Illinois Press.
- Gubarev, A. P. (1915) *Operativnaia ginekologiia i osnovy abdominal'noi khirurgii* [Operative gynecology and abdominal surgery basis], Moscow: Tovarishestvo skoropechatni A. A. Levensona, part 1.
- Gumilevskii, L. (1991) *Chuzhie kryshi* [Others roofs], Moscow: Sovetskaia Rossiia.
- Hajnal, J. (1965) European marriage patterns in perspective, in: Glass, D. V., Eversley, D. E. S. (eds), *Population in History*, London, Chicago: Aldine, pp. 101—143.
- Iakobson, L. (1905) Polovoe vozderzhanie pered sudom meditsiny [Sexual abstinence before the court of medicine], *Russkii vrach*, no. 18, pp. 588—594.

- Iakovleva, S. (1909) Detorozhdenie i zhenskoe dvizhenie [Childbearing and women's movement], *Zhenskii vestnik*, no. 10, pp. 191—194.
- Kharchev, A. G. (1979) *Brak i sem'ia v SSSR* [Marriage and family in the USSR], Moscow: Mysl'.
- Kholmogorov, S. S. (1900) Privychnyĭ vykidysh i privychnye prezhdevremennye rody [Recurrent miscarriage and habitual premature labor], *Zhurnal akusherstva i zhenskikh boleznei*, no. 10, pp. 1212—1218.
- Kholmogorov, S. S. (1911) Iskusstvennye prezhdevremennye rody [Early artificial birth], *Zhurnal akusherstva i zhenskikh boleznei*, no. 7—8, pp. 989—999.
- Lombrozo, Ch. (2012) *Zhenshchina — prestupnitsa ili prostitutka* [A female criminal or a prostitute], Moscow: Popurri.
- Mikhnevich, V. (1886) *Iazvy Peterburga: Istoricheskie etiudy russkoĭ zhizni* [Ulcers of St. Petersburg: Historical sketches of Russian life], St. Petersburg: Tipografiia Sushchinskogo.
- Mironov, B. N. (1977) Traditsionnoe demograficheskoe povedenie krest'ian v XIX — nachale XX v. [Traditional demographic behaviour of peasants in the XIX — early XX c.], in: Vishnevskii, A. G. (ed.), *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR*, Moscow: Statistika, pp. 83—105.
- Mironov, B. N. (2000) *Sotsial'naia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.)* [Social history of Russian Empire period (XVIII — beginning of XX c.)], St. Petersburg: Dmitriĭ Bulanin, vol. 1.
- Mirovtorskaiia, N. A. (2010) *Dve tetradi* [Two notebook], Moscow: Galereia STO.
- Mitsiuk, N. A. (2014a) Sredstva kontratsepsii v povsednevnoi zhizni dvorianok na rubezhe XIX—XX vekov [Contraception in the everyday life of noblewomen in the XIX—XX centuries], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia Istorii*, no. 2, pp. 49—68.
- Mitsiuk, N. A. (2014b) Tipy rossiiskikh dvorianok nachala XX veka po otnosheniiu k sobstvennoi fertil'nosti i materinstvu [The types of Russian noblewomen at the beginning of the XX century in relation to your own fertility and motherhood], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 17—29.
- Mitsiuk, N. A. (2015) Konstruiruia "ideal'nuiu mat'": kontsepsii materinstva v rossiiskom obshchestve nachala XX veka [Constructing the "ideal mother": the concept of motherhood in Russian society in the beginning of XX century], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, no. 1, pp. 21—33.
- Mukhina, Z. Z. (2012) Plodoizgnanie i kontratsepsii v traditsionnoi krest'ianskoĭ kul'ture Evropeiskoi Rossii (vtoraia polovina XIX — 30-e gody XX v.) [Abortion and contraception in traditional peasant culture of European Russia (second half XIX — 30th of the XX c.)], *Ėtnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 147—160.
- Onufriev, V. M. (1905) *Akusherskie sluchai* [Obstetric cases], Ekaterinburg: Ėlektropolitografiia S. M. Meklera.
- Plikus (1902) Polovaia zhizn' [Sexuality], *Akusherka*, vol. 8, no. 15—16, pp. 234—235.
- Pushkareva, N. L. (1998) Intimnaia zhizn' russkikh zhenshchin v XVIII v. [The intimate life of Russian women in the XVIII c.], *Ėtnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 93—103.
- Pushkareva, N. L. (2008) Seksual'nost' v chastnoi zhizni russkoĭ zhenshchiny (X—XX vv.): vliianie pravoslavnogo i etakraticeskogo gendernykh poriadkov [Sexuality in private life Russian woman (X—XX cc.): the influence of Orthodox and autocratically gender orders], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—17.
- Reĭdlikh, A. A. (1916) *Voĭna i okhrana materinstva i mladenchestva: Rech' na s'ezde Vse-rossiiskogo popechitel'stva ob okhrane materinstva i mladenchestva, 6 noiabria 1916 g.* [War and the protection of maternity and infancy: Speech at the Congress of all-Russian guardianship for the protection of maternity and infancy, November 6, 1916], Petrograd: Tipografiia "Orbita".

- Stasov, V. V. (1899) *Nadezhda Vasil'evna Stasova*, St. Petersburg: Tipografia M. Merkusheva.
- Stasova, E. D. (1969) *Vospominaniia* [Memories], Moscow: Mysl'.
- Tolstói, L. N. (1983) Tak chto zhe nam delat'?: [What are we to do?], *Sobranie sochineniĭ*: in 22 vols, Moscow: Khudozhestvennaia literatura, vol. 16, pp. 391—392.
- Traĭnin, V. (1914) Na s'ezde kriminalistov: Fakty i vpechatleniia [The congress of criminalists: Facts and experience], *Russkoe bogatstvo*, no. 4, p. 257.
- Uspenskaia, A. (1922) Vospominaniia shestidesiatnitsy [Memories of shestidesiatnitsy], *Byloe*, no. 18, p. 33.
- Vishnevskii, A. G. (1977) Rannie etapy stanovleniia novogo tipa rozhdaemosti v Rossii [Early stages of formation of a new type of fertility in Russia], in: Vishnevskii, A. G. (ed.), *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR*, Moscow: Statistika, pp. 105—135.
- Zhbankov, D. N. (1889) K voprosu o plodovitosti zamuzhnikh zhenshchin [To the question of fertility of married women], *Vrach*, no. 13, p. 309.
- Zhbankov, D. N. (1891) *Bab'ia storona*: Statistiko-étnograficheskiĭ ocherk [The females side: Statistical and ethnographic essay], Kostroma: Gubernskaia tipografia.
- Zhuk, V. N. (1902) Nedokonchennoe sovokuplenie [Coitus interruptus], *Akusherka*, no. 12, p. 316.
- Zhuk, V. N. (1906) *Mat' i ditia: Gigiena v obshchedostupnom izlozhenii* [The mother and child: Hygiene in a public statement], St. Petersburg: Izdatel'stvo V. I. Gubinskogo.

Статья поступила 24.03.2016 г.